

В.Г. Костомаров

kostomarov_v_g@mail.ru

д-р филол. наук, профессор,
академик РАО, президент
Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина

Направление: Русский язык: диахрония и динамика языковых процессов

Норма языка и нормы в языке

(опыт интерпретации)

Виды общения, сетевое общение, дисплейный текст, кодификация, частные нормы.

По многим причинам, прежде всего с появлением сетевого общения (наряду со звуковым и письменным), синтезирующего звучащий и печатный текст с изображением, движением и другими носителями информации, сдвигается грань между разговорной и книжной разновидностями русского языка. Воздействие этого нового вида общения на функционирование русского языка актуализирует проблему литературно-языковой кодификации норм. В статье предпринимается попытка интерпретации этой ситуации.

Казавшийся более ясным заголовок «Языковая Норма и языковые нормы» был забракован из-за полиграфического неудобства проставить в нем ударения — *языко́вой* и *языко́вый*. Без этого же была явная опасность заслужить насмешку знатока русского языка (грамотного, образованного, знающего норму): *языко́вой* бывает, де, только колбаса, а нормы, категории, проблемы *языковы́е*.

Это различие утвердил в середине прошлого столетия замечательный ученый и великолепный человек С.И. Ожегов, связав «нерусское» ударение на предпоследнем слоге с польским влиянием и закрепив его за гастрономическим значением, поскольку исторически поляки как лучшие в мире мастера ветчины и колбас монопольно вели в России мясную торговлю. Блестящее остроумие этого хода было поддержано другими авторитетами, а сам пример надолго стал оселком проверки культуры речи,

знания нормы. Человеческое вмешательство затмило действительно раздражающую людей, стремящихся к однозначному порядку, манеру русского языка производить прилагательные с колебанием в ударении и без размежевания их значения: *борто́вой* — *борто́вый*, *дворо́вой* — *дворовый*, *риско́вой* — *риско́вый*, а также *ви́шневый* — *вишне́вый*, *ма́льчиковый* — *мальчи́ковый*, *сли́вовый* — *сливо́вый*, *джи́нсовый* — *джинсо́вый* и т.д. Несмотря на единичный успех, полной победы над своеволием языка одержать не удалось, и даже умудренные русские продолжают сбиваться. Да и то, есть ли уверенность, что увязанная с ударением семантическая кодификация двух омографов как разных слов, установление однозначной нормы есть в самом деле усовершенствование, прогресс, облегчение нашей языковой жизни?

Слово *норма* пришло к нам из Европы не ранее начала XIX столетия в значении ‘не

выходящая из порядка мера, образец', применительно к языку его стали использовать значительно позже. В этом смысле в России издревле говорили *правильно / неправильно*. Такие определения предпочитают и сегодняшние авторы, пишущие *о хорошей речи, о культуре языка*, знании его и умении им пользоваться. Распространившееся понимание слова *ненормативный* в значении 'общенный, неприлично-ругательный' вообще ставит под сомнение полезность противопоставления *норма / ненорма*. Но отказаться от него сегодня трудно, потому что оно обладает некоторой определенностью, социальной осознанностью, даже официальным установлением, чего нет у слова *правильно*, неизбежно предполагающего субъективные добавки: хорошо, плохо, уместно, удачно, грамотно, культурно и пр. Поэтому в данной работе мы придерживаемся (не без огорчения!) этого не самого удачного термина.

Объективная, последовательно логико-научная оценка фактов языка предполагает учет особенностей его истории и развития, его состава и устройства. Именно в них следует искать надежную оценочную базу для установления правильности, нормативности языка и его элементов. Но велика роль и привходящих, субъективных, часто случайных «человеческих прихотей», да и сама система исторически зависима от пользующихся языком. Ее изменения и их закономерности в конечном счете исполняются людьми, хотя по большей части неосознанно и как-то сокровенно.

Как и любой сложной иерархически организованной системе в действии, языку свойственны внутренние законы развития, направленные на балансировку структуры, регулярность, обогащение, а отчасти и на приноровление к меняющимся функциям, на изменение, причем не обязательно очевидное совершенствование. Эти законы весьма опосредованно связаны с внешней средой, и события исторической жизни говорящих на нем людей по большей части могут их лишь ускорять или тормозить. Важно сразу отметить 3 обстоятельства.

1. Изменения идут так, что обеспечивают иллюзию неизменности языка. Чтобы

ощутить их, надо отойти на какое-то расстояние, скажем, вспомнить, что «Слово о полку Игореве» мы читаем в переводах, или сравнить сегодняшний «Московский комсомолец» и «Ведомости», первую русскую газету начала XVIII в. Нам кажется, что А.С. Пушкин говорил так же, как мы сегодня. Оно и верно в известной степени. Недавно М.В. Панов, выдвигая весьма разумную для своего времени, отчего и сегодня имеющую много пропагандирующих ее сторонников концепцию КЛЯ – «кодифицированного литературного языка», справедливо утверждал, что его изменение заключается в том, что он все меньше изменяется.

Отметим между прочим как неблагозвучность сокращения, так и излишнюю прямолинейность противопоставления «правильного» литературного, нормативного, кодифицированного (за рубежом говорят *стандартный, королевский*) канона «разговорному языку» (РЯ), а затем в работах последователей, не желавших все-таки видеть в русском языке 2 языка, «разговорной речи» (РР), что алогично сопоставляет язык и речь. От себя заметим, что лучше вообще говорить, по примеру ученых XIX в., об **образованном** языке (по двум значениям глагола *образовать*: 'рукотворном, созданном' и 'свойственном просвещенному обществу', кое зависимо от ситуации равноправно пользуется обеими разновидностями его единства). Тогда бы не пришлось наивно обижать **образованных** людей обвинением, будто в повседневной жизни они пользуется **необразованным** (нелитературным) языком.

2. Периоды бурных изменений чередуются с эпохами некоторой спячки. Так, после «падения глухих» и резкой перестройки фонетики и морфологии в XIV–XV вв. русский язык дремал вплоть до воцарения Петра Великого, при ком преобразилась вся Россия и ее язык. В XX столетии русский язык восходил на несколько голгоф, испытывал такие испытания, что оказался, по выражению М.А. Кронгауза, «на грани нервного срыва».

3. Механизмы изменения различны на разных уровнях языковой системы. Так, запуски космических аппаратов дали новые

слова *космонавт, космодром, лунник, прилуниться*, расширили значение слова *спутник*. Грамматическое новшество *вижу спутник* боролось с *наблюдать искусственного спутника* (спутник, попутчик – одушевленные имена) в наших газетах не более полугода, но это редчайшее исключение; новое в морфологии чуть ли не вечно признается ошибкой, и мы упорно говорим *вижу мертвого человека, мертвеца*, хотя *вижу труп*.

Академик В.В. Виноградов говорил о разных механизмах изменения языка и соответственно их нормализации на разных ярусах его системы. Он полагал, что в орфографии и пунктуации, если и считать их частью языка, норма определяется чиновниками, которые не понимают, что язык развивается по своим законам, не подверженным юридическому регулированию, отчего поэты вынуждены создавать собственное правописание. В закрытых ярусах грамматики, фонетики с акцентологией и отчасти синтаксиса и открытых лексике и фразеологии нормы, по его словам, имеют разную крепость, устойчивость, обязательность; в стилистике же понятие нормы вообще заменяется понятием образца. Можно сюда добавить, что в силу своей свободы и подвижности русское ударение составляет особо сложный участок, отчего именно с ним связаны людские заботы о норме.

В самом деле, как бы ни оценивать формы сравнительной степени *внимательнее, шире* и аналитические, прав Д.А. Медведев, следуя в официальной речи книжному образцу: «журналисты – это люди, которые находятся в зоне риска, и государство должно *более внимательно* относиться к их служебной деятельности» («Российская газета», 09.11. 2010); «возможность *более широко* применять такие альтернативные меры наказания, как штраф» («Российская газета», 01.12.2010). Ненормативны лишь распространяющиеся избыточные для системы *посмотреть более глубже, более внимательно, более настойчивее, более и менее важнее*.

Особенности динамики языка, несомненно, детерминируют его оценки в целом, его составляющих подсистем и тем более его

конкретных отдельных единиц вроде объема и дифференцированности словаря или работанности терминологии. Вкусовая формула «самый» и даже «один из самых совершенных (развитых, логичных, богатых, звучных, красивых...) языков мира» хотя наивно относима обычно лишь к своему родному языку, имеет в этом отношении некоторый смысл. Уже поэтому строго научный, системно-формальный подход, основанный на устройстве языка и внутренних законах его непрерывного самоизменения именно как некой самодостаточной системы, как уже замечено, оказывается совершенно недостаточным.

Его сплошь и рядом разбивают жизненные потребности в устойчивой определенности, стабильности и в то же время противоречиво подвергают культурно-психологическому настрою общества, нацеливающему то на пуризм, то на антинормализаторство, то консервируя, то обновляя. Даже случайные предпочтения и неприятия отдельных авторитетов могут ускорять или задерживать действие врожденных имманентных законов, вряд ли, впрочем, серьезно меняя их в обозримом времени. Именно человеческий фактор определяет, даже вопреки законной логике, быстро сменяющиеся «частные нормы», восприятие отдельных конкретных фактов и единиц языка.

Поэтому вслед за А.М. Пешковским, различавшим объективную и нормативную точку зрения на язык, разумным представляется применять термин *Норма* (с большой буквы, подчеркивающей абстрактность идеала) для характеристики *образованного* языка образованных людей. Она есть представление о языке вообще и русском как одном из языков, о его сущности и самобытности, происхождении, родстве, истории, желательных качествах и путях совершенствования. Отражая его своеобразие и векторы динамики, она служит идеалом и ориентиром, следуя или противореча которому определяются конкретные квалифицирующие решения, выявляются лучшие, наиболее удачные, пригодные, принятые и распространенные единицы, средства выражения.

Эти решения могут меняться с точностью до наоборот даже на кратких отрезках времени. Они касаются установления конкретных норм, оценки правильности отдельных единиц и фактов общенародного языка, которые в данный период общество (его «лучшая часть»: школа, писатели, общественные деятели, ученые) включает в силу тех или иных доводов в образованный канон. Нормы в этом значении — это то, что признается правильным, желательным, предпочтительным и, конечно, вытекающим из Нормы с большой буквы, оправданным ею или, по крайней мере, не очень ей противоречащим. Эти нормы обычно противопоставляются фактам и единицам «ненормативным», отнюдь не обязательно нецензурным. Очевидно, что проблема оценки, нахождения правильного, наиболее удачного или почему-либо предпочтительного возникает, за редкими исключениями, там, где возникает не оправданная ничем вариативность или дублетность.

В целом кодификация, т.е. утверждение лучшего в ходе нормализации, проходит успешно, и ее решения в синхронии достаточно устойчивы, что и требуется для нормального функционирования фактов и единиц языка. Общеязыковая норма в принципе позволяет, скажем, выбор любого из вариантов *саммит* и *встреча в верхах*, *йóгурт* и *йогурт*, *один евро* и *одно евро* (в отличие от *кофе*, род которого в норме колеблется больше столетия), но буквально на глазах кодифицированы как правильные лишь первые. Под давлением речевой практики кодификаторы вынуждены иногда неохотно допускать и сосуществование вариантов *творóг* и *твóрог*, *звуковая дорожка* и *сандтрэк*. Ведь при возникновении дублетов между ними начинается борьба, исходом которой бывает победа одного из них с запретом другого или сохранение обоих при смысловой или какой-либо иной их дифференциации, но некоторое, иной раз значительное время они сосуществуют на равных, и предугадать исход соревнования крайне трудно.

Установление нормы применительно к отдельным единицам и фактам, что в об-

щем-то только и волнует публику, сопровождается нередко ожесточенными спорами (в которых иной раз забывается и императив Нормы с большой буквы). В языке, как и во всем, культура связана с поиском желательного и запретительством того, что признается не нормой, но это и необходимо для здравомыслящего общества.

Проницательные авторитеты, конечно, крайне осторожны с запретами. А.С. Пушкин призывал дать русскому языку «поболе воли, чтобы развивался он сообразно законам своим», мудро замечая, что «истинный вкус состоит не в отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности». Великий русский филолог академик А.А. Шахматов вообще высказался в том смысле, что «не дело ученого учреждения говорить людям, как им говорить». Предпочтение только одного из возможных вариантов, несомненно, тормозит живые процессы в языке, но оно тем не менее отвечает интересам единства общества, справедливым требованиям педагогов и иных ревнителей культурной традиции обеспечить языковую устойчивость и определенность.

Поэтому можно только согласиться с резкими возражениями, напр., против форм *ехай*, *езжай*, *едь* (ужасает нагло рекрутирующая клиентов реклама Московского туристского агентства *Едь в Турцию с нами!*), *ляжь*, *ложьте*, *могет*, *бдеть*, *хочут*, *хочем*, *пущать*, *пужать* (вместо правильных *поезжай*, *ляг*, *лягте*, *кладите*, *может*, *бдить*, *хотят*, *хотим*, *пускать*, *пугать*), *куды*, *туды*, *откудова*, *откедова* и т.д., не оправданных ни системно, ни культурно. Бывает, ненормативной становится лишь одна какая-то форма вполне нормативного корня или слова: *спортить* при вполне нормативном *испортить*.

Обычно такие «ненормы» не имеют ни системного, ни какого-либо иного «образованного» обоснования, отражая общенародную языковую стихию, «необразованные» диалекты, просторечие, жаргоны. Правда, система да и традиция могут длительно не давать оснований для нормализации отдельных явлений и колебаний: так, в XVIII в.

нормой были именно *куды, откуда*, ср. народное *откель*, ставя кодификаторов в абсолютный тупик. Так, словаристы вынуждаются признать нормативными *лазть, лазю, лазающий* («то же, что лазить») и *лазить, лажу, лазящий* («то же, что лезть») и, наконец, многозначное *лезть, лезу, лезущий*, не имеющее, правда, оттенка повторяющегося действия. Любопытно, что, признавая *лазть* и *залезать, залазить* относят к ненормативным. Тут системные силы действуют заодно с культурно-традиционными, от имени которых К.И. Чуковский заметил, что, если бы дама с собачкой скомандовала бы ей *ляжь*, то Дымов ее ни за что бы не полюбил.

Трудно категорично и однозначно дать ответ на встающий естественно вопрос: заложена ли нормативность в самом языке или она привносится в его функционирование? Авторитетно мнение о тройном характере проявлений языка – системе, норме и узусе, даже в сосюрсовской дихотомии языка и речи говорится еще и о речевой деятельности. Поскольку язык одновременно – и самобытная система, и общественное явление, ответ надо искать именно в соотношении нормы в обоих предложенных смыслах – в развитии языка в согласии с его врожденными внутренними законами развития, а затем – с поправками, вносимыми этническими, природно-географическими, производственно-хозяйственными, военными, социально-культурными, религиозными и иными факторами, причем второе значительно сильнее и непосредственнее связано с интересами общения, с коммуникативной целесообразностью. Не случайно академик Б.А. Серебrenников говорил об «относитель-

ном» и «абсолютном» прогрессе» в развитии языка.

Нормализацию тогда можно понимать как независимый от воли людей, хотя и осуществляемый через них (таков, если угодно, некий имманентный закон развития языков), естественный и часто длительный процесс на поле взаимодействия системных сил и человеческих факторов. Кодификация, т.е. насильственное внедрение плодов этого процесса, редко бывает осмотрительной, неторопливой, деликатной и самовольно спешит, стремясь к однозначности, устранить вариативность, наказывать школьника, порицать чиновника за незнание запрета, хотя нормализация еще не определилась.

Если угодно, нормализация проходит как бесконечная спортивная игра на глазах у публики, причем болельщики фанатично следят за каждым матчем, криком и другими способами обостряя голевые моменты (споры об отдельных нормах) до скандалов и драк. Чемпионаты воспринимаются спокойнее, хотя итоги их череды создают мнение о развитии спорта в данную эпоху в данной стране (могут, в наших терминах, покуситься на Норму с большой буквы), но вряд ли серьезно меняют правила игры, тем более отменяют ее самое.

В развитие изложенного кажется существенным рассматривать обусловленность нормы развитием системы и действием человеческих факторов. В свете исторической непреходящей игры-борьбы культурно-социальных сил с системными следует очертить характер и границы возможности сознательного учебно-регулятивного вмешательства в нормализацию.

V.G. Kostomarov

NORMS OF AND IN THE LANGUAGE

Types of communication, virtual communication, electronic text, language standardization, concrete norms.

For a number of reasons, and primarily due to the emergence of virtual communication (along with the verbal and printed communication) that synthesizes spoken and printed language with imagery, movement and other sources of information, the border between written and conversational varieties of Russian language is shifting. The influence of this third, new type of communication on the function of the Russian language highlights the need for literary and linguistic standards. This paper introduces one interpretation of this situation.